25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор –
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

ков тому назад. В настоящее время все эти обряды отмирают, практически не совершаются, хотя память о древних праздниках еще жива и они в некоторых семьях отмечаются.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О пережитках культа растений имеется большая литература. Культу ивы у таджиков, среди которых очень давно живут среднеазиатские евреи, посвящены две статьи А.К.Писарчик: "Пережитки культа ивы у таджиков" (в сб. "Прошлое Средней Азии") и "Ива в новогодних и других весенних обрядах таджиков" – в данном сборнике. Эти сообщения побудили автора к написанию данной статьи.

2 Зарубин И.И.Очерк разговорного языка самаркандских евреев. – Сб.: Иран. – Л., 1928. – Т.II. – С.95–180.

3 Характерно, что ряд древнееврейских праздников у среднеазиатских евреев носит параллельные наименования: древнееврейские, так сказать, официальные религиозные, и таджикские – разговорные (бытующие главным образом среди женщин), в основе которых лежит тот или иной характерный признак праздника. Так, праздник, связанный с наступлением Нового года, который отмечается осенью, по-древнееврейски называется Рош-ашоно – Начало года, а в обиходе – "калла хури" (в переводе с таджикского – "поедание головы"). Обычно для праздничного стола закалывают барана и из головы и ножек барана с несколькими видами овощей варят блюдо, которым оделяют всех присутствующих на праздничной трапезе.

Праздник Шовуот, в переводе – "семь недель", отмечаемый в начале лета, спустя семь недель после пасхи, в разговорной речи называют "Гули сурх" (в переводе – красная роза, так как в эту пору в самом разгаре цветение роз).

4 Кацнельсон Л. Верба. – Еврейская энциклопедия. – Т.У. – СПб, без года изд. – С.501–502.

5 Хомец – хлебная закваска, хлеб, хлебные изделия из кислого теста, которые согласно еврейской религии в дни пасхи нельзя употреблять.

6 Кацнельсон Л. Авеста и талмуд. – Еврейская энциклопедия. – Т. 1. – СПб, без года изд. – С.235.

Р.Л.НЕМЕНОВА

К СЛОЖЕНИЮ ТАДЖИКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ БАССЕЙНА Р.ВАХШ

В данной статье излагаются материалы по истории сложения населения среднего течения бассейна р. Вахш, собранные во время работы в составе Нурекского этнографического отряда Института истории им. А.Дониша в 1963–1964 гг.[1] Эти материалы приобретают особое зна-

чение в связи с тем, что исследованный район уже не существует, ныне это дно Нурекского водохранилища (см. карту).

Изучаемый район представляет собой сравнительно неширокую долину в среднем течении р. Вахш, вытянутую в направлении с северо-востока на юго-запад, длиной примерно 40–50 км, шириной – 10–20 км. Левобережные селения входят в историко-культурный регион – Куляб, а правобережные – Гиссар. В конце XIX – начале XX в. левобережные селения составляли Туткаульское амлокдарство Бальджуанского бекства, правобережные – восточную привахшскую окраину Файзабадского амлокдарства Гиссарского бекства. Это деление хорошо знает само население: жители левого берега называют себя "кулови" (кулябцы), а правого – "хисори" (гиссарцы).

Состав, расселение и история сложения населения рассматриваемого района не были объектом специального изучения, однако обо всей обширной стране в пределах бывших Кулябского, Бальджуанского, а также Гиссарского бекств Восточной Бухары, иначе говоря о Южном и Центральном Таджикистане, с конца XIX в. в трудах русских путешественников, военных, ученых, географов, ботаников наряду с некоторыми этнографическими сведениями имеются и данные, характеризующие этнический состав и численность населения. Особого внимания заслуживают труды Н.А. Маева, А.Е.Снесарева, М.А.Варыгина, А.А.Семенова.[2] Ценные материалы по населению Кулябского и Гиссарского вилайетов содержатся в работах И.П.Магидовича и Н.Г.Маллицкого, относящихся к периоду национального размежевания в Средней Азии.[3]

Интенсивное и целенаправленное изучение этнического состава населения Куляба начинается в послевоенные годы в связи со сплошным этнографическим обследованием. А.К.Писарчик были проведены две экспедиции в Кулябскую область.[4] Экспедиция побывала и в некоторых привахшских селениях – Сангтуда, Билисуф, Аксу, среди населения которых были зарегистрированы предания о происхождении их предков, об оттеснении их локайскими племенами и о вторичном заселении таджиками ранее покинутой территории.[5]

Данные по этногенезу таджиков, населяющих Южный Таджикистан, в пределах которого расположен рассматриваемый нами привахшский район, содержат антропологические исследования, проводившиеся под руководством проф. Л.В.Ошанина,[6] позволившие ему сделать заключение, что "таджики различных районов Кулябской области и Яванской долины являются ярко выраженными типичными представителями брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Они – прямые потомки бактрийцев, живших к югу от Гиссарского хребта".[7]

Наиболее полная характеристика этнического состава населения южных районов Таджикистана и Узбекистана, расселения его групп, а также анализ данных, освещающих историю сложения и формирования населения этих районов, представлены в большом и ценном труде Б.Х.Кармышевой.[8] В монографии глубоко и обстоятельно исследовано тюркоязычное население, а также некоторые группы таджиков, в том числе живущие в привахшских левобережных селениях, в районе Туткаула и окрестных селений.[9]

Обследованный район на севере и северо-востоке примыкает к Нижнему Каратегину (б.Обигармскому амлокдарству Каратегинского бек-

ства); на востоке он граничит с Кангуртом (б.Кангуртским амлокдарством), через который осуществлялись тесные связи населения с Бальджуаном (Даштакским и частично Ховалингском амлокдарствами Бальджуанского бекства); на западе граница идет по линии гиссарских привахшских селений, входивших в прошлом в состав Файзабадского, а ниже, по Вахшу, – в Нораксое и Яванское амлокдарства Гиссарского бекства. На юге изучаемая территория соприкасалась с дангаринскими селениями, расположенными на полустепных, предгорных маловодных пространствах дангаринского плато (входивших в пределы Кулябского бекства).

Привахшская полоса, как левобережная, так и правобережная, в прошлом (в конце XIX и начале XX в.) была густо заселена. По обоим берегам, вплоть до границы с Каратегинским бекством, тянулись кишлаки, расположенные на побережье на незначительном расстоянии друг от друга. Все эти прибрежные кишлаки объединялись названием лавова (от лаб – берег, край + об – вода, река + суффикс – а). Различают лавоваи хисори – правобережье и лавоваи кулови – левобережье. Селения в предгорьях называются пушта, что значит холм, возвышенность. Кишлаки лавова и их земли расположены ниже, вблизи реки, климат их теплее климата более высоко расположенных кишлаков пушта, поэтому в кишлаках лавова к сельскохозяйственным работам приступают значительно раньше, и соответственно там раньше вызревают сельскохозяйственные культуры. Так, например, ячмень поспевает в кишлаках лавова на двадцать дней раньше, чем в горных кишлаках. В зоне лавова довольно широко было распространено рисосеяние и хлопководство, чего не было в горных кишлаках.

Река, по которой проходила граница двух бекств – Гиссарского и Кулябского, не столько отделяла, сколько соединяла прибрежные кишлаки обоих бекств.

Прибрежные кишлаки Гиссара тесно были связаны хозяйственными отношениями с кулябскими. Между ними постоянно существовал обмен продуктами сельского хозяйства, изделиями домашних промыслов. Так, в некоторых гиссарских кишлаках (Сари-Джу), на правом берегу р.Вахш, в значительных размерах возделывали хлопок (ғуза), который выменивали у кулябцев на пшеницу. Из правобережных кишлаков в левобережные вывозили деревянные изделия: прялки (чарха), станки для очистки хлопка (ҳалоҷи) и веретена (дук), – все это также выменивали на пшеницу и шерсть. Существовал также обмен фруктов, орехов, фисташек, тутовых ягод, которые обильно произрастали на правом берегу, на кулябскую пшеницу.

Таджикское население привахшских кишлаков, как гиссарских, так и кулябских, характеризуется языковой [10] и этнографической общностью, что обусловлено постоянным их общением.

Здесь уместно сказать также о связях привахшских кулябских и гиссарских кишлаков с каратегинскими селениями, расположенными выше по реке. Из кулябских селений в Каратегин путь по берегу реки Вахш был, правда, очень трудный и не во все времена года доступный. В конце прошлого столетия из кулябских кишлаков (Туткаул и др.) ходили на заработки в Ташкент. Шли вверх по берегу Вахша-Сурхоба вплоть до его истоков, до Дарауткургана 18 дней. Дальше шли обычным путем каратегинцев, отправляющихся на отхожие промыслы. [11]

О заселении рассматриваемого района человеком еще в глубокой древности свидетельствуют археологические данные.[12] В раннем средневековье район среднего течения р.Вахш входил в состав Хутталя – области, расположенной между Вахшем и Пянджем. Арабы, завоевавшие эту область в УШ в. (725 г.), застают наряду с основным его ираноязычным населением и тюрков.[13] Появление тюрков в среднеазиатских владениях датируется У1 – началом УП в.[14]

В ХУ1 в.[15] начинается массовое продвижение в пределы Южного Таджикистана кочевых узбекских даштикипчакских племен, многочисленные роды и родовые подразделения которых оседают здесь и бытуют вплоть до настоящего времени. Тюркоязычное население Куляба и Гиссара исторически подразделяется на две основные группы. Ранние племена – потомки домонгольских племен, осевших на юге современного Таджикистана в У1–УП вв. задолго до появления здесь даштикипчакских узбеков. Это – тюрки, карлуки, барласы, мусабозори и др.Поздние племена – потомки даштикипчакских узбеков, пришедших в Среднюю Азию с Шейбаниханом в ХУ–ХУ1 вв. (локайцы, дурмены, кунграты и др.).[16]

На территории рассматриваемого района тюркоязычные племена были представлены преимущественно локайцами (только в левобережной его части) и в меньшей степени карлуками.

Относительно локайцев Б.Х.Кармышева пишет: "...достоверных данных о времени поселения локайцев в бассейне Амударьи нет. Согласно преданиям самих локайцев, первоначально они жили в Балхе, откуда перекочевали в Хисар, а затем в Бальджуан. Принимая каждое поколение за 30 лет, переселение локайцев из Балха в Хисар и Бальджуан можно отнести к концу ХУП – началу ХУШ в."[17]

Б.Х.Кармышева считает, что локайцы составляли подавляющее большинство населения на значительной площади Гиссарского и Бальджуанского бекств. Таджики жили вдоль границ территории, занятой локайцами. На территории изучаемого района, как пишет Б.Х. Кармышева, "...таджики составляют как бы клин в местах расселения локайцев, занимая гористые берега Вахша после его резкого поворота на юг у Нурека и до выхода реки из теснин южнее кишлака Санг–Туда со смешанным таджикско–локайским населением.[18] Наши полевые материалы позволяют дополнить сведения Б.Х.Кармышевой, а именно– таджики сплошной полосой расселялись по берегам Вахша не только после поворота реки у Нурека, но и значительно выше. По существу, таджикские поселения тянулись непрерывной полосой по обоим берегам Сурхоба–Вахша, на всем протяжении реки, как в Каратегинском, так и в Бальджуанском и Гиссарском бекствах, вплоть до пределов, указанных в приведенной выше цитате из работы Б.Х.Кармышевой. На территории, небольшой по площади, таджики расселялись сплошным массивом, локайцы же были как бы вкраплены в виде островков.

Преобладание таджиков можно видеть и из цифровых данных, содержащихся в работе И.Магидовича, в какой–то мере отражающих соотношение локайцев и таджиков, имевшееся не только в начале ХХ в., но и в конце Х1Х в. По материалам 1924 г. (первые наиболее достоверные сведения), на левом берегу Вахша было зарегистрировано всего 1120

локайцев [19], в то время как таджиков в этом же районе было, по-видимому, свыше 10 000. Так, в одном кенте Кули-Суфиён (куда не входили нижние кибильские селения) было зарегистрировано 6 165 чел.[20] На правом же гиссарском берегу в кентах Шолипоя и Норак было зарегистрировано исключительно таджикское население в количестве 8 565 чел.[21] По материалам нашей экспедиции, в составе Туткаульского амлокдарства было примерно 50 селений, из них 40 – таджикских и 10 – локайских.[22]

Далее мы располагаем цифрами, содержащимися в Списке населенных пунктов Таджикской ССР, который относится к 1931 г.[23] Общее количество населения в обследованных нами левобережных кишлаках составляет 15 628 чел., в правобережных – 2 496 чел.[24]

Согласно преданиям, записанным как в кулябских, так и в гиссарских кишлаках, обитателями селений лавова (Кибиль, Туткаул, Даров-Шур, Дахана, Шургузар) и предгорных селений (Кули-Суфиён, Дари-Дех) были почти исключительно локайцы, которые вели кочевой образ жизни и занимались скотоводством. Таджики, появившиеся здесь около 150-200 лет тому назад, сначала селились в локайских селениях. В дальнейшем таджики, увеличиваясь в числе, постепенно стали вытеснять локайцев. Последние стали уходить южнее первоначальных своих поселений по направлению к Дангаре и селились там, либо в существующих локайских кишлаках, либо основывали новые (Бобои-Тупхона, Кизилкия, Савди-Поён, Тошохур, Джаркесган).

Общение локайцев с таджиками было постоянным. Локайцы вступали в брак с таджичками, правда, своих дочерей за таджиков, как правило, не отдавали.[25] Локайцы, по утверждению самих таджиков, знали таджикский язык, таджики же в большинстве своем узбекского языка не знали. Длительное совместное проживание на одной территории привело к коренным изменениям в домашнем быту и хозяйственной деятельности локайцев – они перешли к оседлому образу жизни. Таджики, в свою очередь, заимствовали у локайцев ряд методов ведения скотоводства.[26] Как отмечает Б.Х.Кармышева, значительная часть домашней утвари в быту локайцев Южного Таджикистана была такая же, как у таджиков. Она приобреталась у таджиков и сохраняла таджикские наименования. В связи с переходом к земледелию пища, как и жилище и утварь локайцев, претерпели изменения.[27] В этой связи нельзя не согласиться с одним из основных положений Б.Х.Кармышевой о взаимодополняемости в сфере экономики основных компонентов населения южных районов Таджикистана и Узбекистана–оседлого населения и скотоводческих тюркских племен, как ранних, так и поздних. "Эта взаимодополняемость в сфере экономики обусловила, с одной стороны, устойчивость этнического самосознания и самобытность хозяйственного уклада каждого компонента, с другой – приводила к постоянным контактам, к взаимовлиянию культур".[28] Наряду с преданиями о заселении таджиками привахшской полосы около 200 лет тому назад существуют смутные представления об основании некоторых таджикских поселений в весьма отдаленные времена. Наиболее древним кишлаком кулябской левобережной полосы считается кишлак Даровшур, расположенный на берегу Вахша, в 25 километрах от Туткаула.[29] По преданию, Даровшур был основан 800 лет тому назад выходцами из Бар-

дада. Потомки их в дальнейшем и расселились по берегам Вахша.

Другим кишлаком, считавшимся столь же древним, как и Даровшур, является к.Дари-Дех, расположенный на склонах невысоких гор, восточнее Туткаула. Мелкие таджикские кишлаки Калкот, Муруд, Теи- Гузар, Разиён, расположенные в глубоких горных складках – ложбинах, по окраинам бывшего Туткаульского амлокдарства, были основаны уже после того, как бальджуанское владение вошло в состав бухарского ханства. У пришельцев-таджиков, основавших их, уже не было никаких столкновений с локайцами. Относительно Калкота у нас есть запись (1963 г.), которая свидетельствует, что этот кишлак был основан 89 лет тому назад, т.е. в 1875 г., неким Давроном, пришедшим из к.Новобада, неподалеку от Дангары. В дальнейшем его стали заселять выходцы из Паркамчи (Дангара) и частично люди, выселившиеся из кишлаков Хазлагата, расположенных западнее Бальджуана.

Таким образом, среди таджиков сохранились какие-то смутные представления о давнем заселении их предками рассматриваемой нами территории. Однако наиболее ярки и определенны те воспоминания, что связаны с приходом таджиков на землю, уже заселенную локайцами, и вытеснением ими последних.

То, что современное таджикское население района среднего течения р.Вахш сложилось в течение последних двух столетий, утверждают обычно все представители старшего поколения, указывая при этом место происхождения своих дедов и прадедов, пришедших на эту территорию. В других же районах горного Таджикистана (Дарвазе, Вахио, Варзобе) одна часть населения считает себя потомками переселенцев из других мест, другая – исконными жителями. В этом отношении наш район напоминает Каратегин, где современное таджикское население сформировалось за счет переселенцев из долины р. Хингоу (Вахио) и стран, сопредельных с Каратегином, вытеснив при этом киргизов, населявших долину Сурхоб.30

Таджики изучаемого района в основном считают себя потомками выходцев из близлежащих местностей, т.е. из районов одного и того же историко-культурного круга. Поэтому они однородны по языку, материальной культуре, занятиям, семейному и общественному укладу.

По свидетельствам местного населения, оно подразделяется на группы: территориальные – кухбуни, даштаки, лабоби, сарҳади, сайоди, пастреги; профессиональные – косатароши, ҳайбоқи; сословные – ҳалқия, эшоно, сипоҳ, миразори. Группы эти различны по своему характеру, условиям и времени возникновения, но примечательно то, что, независимо от превалирующего признака той или иной группы, у привахшских таджиков (как левобережных, так и правобережных) они (группы) приобретают этнонимический оттенок. Что касается сословных групп, то среди них лишь миразори приобретает значение этнонима. Подобная мысль была высказана Б.Х.Кармышевой относительно слова "косиб", которым называют ремесленников группы "таджик", расселявшихся в Кашка-Дарьинской области УзССР.31 Сами таджики обозначают эти группы населения словом кънда (лит.- кунда) – полено, бревно, пень, перен. – корень, род – ряд поколений, ведущих свое происхождение от одного предка. Среди привахшских таджиков зарегистрированы группы, названия которых связаны с

ландшафтом, местностью, откуда происходят или где обитают их предс-тавители. Это дает нам основание считать их территориальными, таковы, например, кухбуни (кухбуни в местном произношении – къхбыни// //къҳбуни – от кух – гора, бун – корень, основание, суффикс – и, указывающий на происхождение предмета, лица из какойлибо местности) соответствует значению – обосновавшийся, живущий в горах; даштаки (от дашт–степь, равнинная местность, суффикс –ак, образующий названия предметов, лиц суффикс – и) соответствует значению – живущий в равнинной местности; лабоби (в местном произношении лавови) – живущий на побережье, от лабоба – побережье; сархади (от сарҳад) – предел, окраина, в диалекте – высокогорный,[32] живущий или происходя-щий из высокогорной местности; саёди – букв. житель кишлака Саёд (расположенный в пределах б. Туткаульского амлокдарства, население которого выселилось еще в 30–х гг.); пасреги – происходящий из к. Пасирег (местоположение установить не удалось).

Наиболее многочисленными в рассматриваемом районе являются группы кухбуни, косатароши и даштаки. Кухбуни и косатароши расселялись как в левобережных, так и правобережных кишлаках, даштаки–преимущественно в левобережных.

Кухбуни. Представители группы кухбуни считаются издавна живущими на этой территории. О происхождении их имеются противоречивые предания. Под одним из них–предки кухбуни в отдаленные времена пришли в эту местность из Багдада. Согласно другим преданиям, из Кангурта и первоначальными местами обитания их были кишлаки прибрежной полосы р.Вахш, но расположенные значительно выше, за пределами лавова, на склонах гор. Основным местом обитания кухбуни на правом берегу считается кишлак Сари–Камар, расположенный выше к.Талкаш и берега реки на 4–5 километров, на склоне горы. На левом берегу кухбуни первоначально расселялись в к.Даровшур. Из Сари–Камара и Даровшура кухбуни якобы и расселились по прибрежной полосе среднего течения реки. Вполне возможно, что кухбуни – потомки таджиков, оттесненных в горы пришедшими в XУ1 в. в Южный Таджикистан локайцами. Впоследствии, как говорят народные предания, 200–250 лет тому назад они стали расселяться на территории, занятой локайцами, оттеснив их. Кухбуни зарегистрированы нами в следующих селениях на правом берегу Вахша – Талкаш, Мавлак, Сари–Джу, Сари–Камар; на левом берегу – Даровшур, Дахана, Шингихо, Шургузар, Туткаул, Кули–Суфиён, Гули–Зиндон. Возможно, что кухбуни населяли и другие селения, особенно на правом берегу, но поскольку в годы обследования правобережные селения в большинстве своем были переселены, а состав населения оставшихся селений был немногочисленный, в основном пришлый и случайный, то, естественно, – достаточно полных сведений собрать не удалось.

Косатароши. Основателями группы косатароши считаются выходцы из Канибадама , которые около 200–250 лет тому назад первоначально поселились на крайних границах Каратегина (саргаҳи Қаротегин), затем постепенно стали спускаться по реке, вошли в бальджуанские владения, здесь они остановились, основав одноименные кишлаки на левом

и на правом берегах – Косатарош, а на правом берегу еще и Дараи-Осиёбак. Из этих кишлаков они уже расселились по всему району среднего течения р.Вахш. Предания о выходцах из Канибадама нам приходилось слышать не только в правобережных кишлаках, но и в левобережных – кулябских: в Сангтуда и Охсу. По данным Кулябской этнографической экспедиции, выходцами из Канибадама были заселены и кишлаки Кибильской группы Билисуф, Хамибурс, Гардоб, тяготеющие к Дангаре и сопредельные с Яваном.33 С происхождением косатароши связана легенда, широко известная у туткаульских таджиков. Передаем ее со слов жителя Туткаула Хасана Кельды (75 лет).

Отец Хасана Кельды принадлежал к группе косатароши (кънда и костърош). Предки его (бобиҳои калон) были родом из Канибадама. Прадед его и был мастером -косатароши, изготовляющим деревянную посуду. Однажды он получил заказ от бальджуанского мира Махмад-Санда, сына правителя Куляба Сарабека (по другой версии, заказ был получен от какого-то бухарского чиновника), изготовить девять деревянных чашек – кос (по другой версии – семь). Прадед Хасана был искусный мастер, он выточил очень тонкие косы, сложил их одна в другую и отнес миру. Тот рассвирепел и сказал, что он заказывал девять чашек, а не одну. Тогда мастер спросил мира, есть ли при нем нож(чапку). Мир вынул нож, подал мастеру, и тот кончиком ножа стал отделять одну чашку от другой. Пораженный искусством мастера, мир воскликнул, что отныне все его потомки будут называться косатароши а кишлак, где они обитают, Косатарош.

Косататроши засвидетельствованы 34 в правобережных кишлаках от к. Косатарош, вниз по течению реки, вплоть до к.Кизои, население которого в прошлом целиком принадлежало к роду косатароши, на левом берегу они расселились в Туткауле и Дари-Дех. По-видимому, эта группа до последнего времени имела в своем составе мастеров по вытачиванию изделий из дерева, и поэтому они расселялись главным образом в местах, где были небольшие горные речки, на которых можно было установить токарные станки – дукони косатароши, а также там, где имеется лес, т.е. материал, нужный для изготовления деревянной утвари . Например, в Кули-Суфиёна не упоминали группу косатарош – там и воды мало, и соответствующих пород деревьев недостаточно. Далеко не все семьи этого рода занимались этим промыслом, но название косатароши было закреплено за всеми. Косатароши были расселены на обширной территории не только в пределах Бальджуанского бекства, но в еще большем количестве в Гиссарском. Представители этой группы и в настоящее время есть в Файзабаде и в окрестностях душанбинских селений.

Даштаки. На исследуемой нами территории даштаки представляют собой сравнительно поздних выходцев из местности равнинного характера между Бальджуаном и Кангуртом и поэтому называемой "дашт"(жители же ее получили название даштаки) . В Бальджуанских владениях они населяли кишлаки Хазлагат, Дехбул, Дашти-Майдон и др. В левобережных селениях "лабоба", преимущественно в Туткауле, Кули-Суфиёне, они начали селиться 100-120 лет тому назад. На правом берегу Вахша даштаки нами не были засвидетельствованы.

Сархади. Под названием сархади объединяют всех выходцев из высокогорной северной части Куляба, главным образом из Ховалинга и

Сари-Хасора. Они населяли почти исключительно левобережные кишлаки. В Туткауле – центре амлокдарства – они жили компактной группой, образуя свой гузар (квартал) – гузари сархадиён, расположенный на близком расстоянии от реки Вахш.

Миразори. Происхождение группы миразори не ясно. Миразори расселялись в основном в Кангурте и в бальджуанских кишлаках: Талхак, Чормагзак, Гырынг (Ғърънг), Чашмаи-Гул, Кувасарон, Арчамазор.[35] На рассматриваемой нами территории миразори были в к.Дахана, Кули-Суфиён. Как уже упоминалось, миразори по своему происхождению-служилое сословие[36], но с течением времени термин "миразори" в рассматриваемом районе приобрел значение этнонима.

Материалы об остальных, упомянутых нами выше группах населения недостаточны, о некоторых известно только место их происхождения, поскольку они носят название кишлака, откуда происходят: таковы "пасреги" из к.Пасирег, населявшие к.Дахана (левый берег); "саёди" – из ныне переселенного к.Саёд, находившегося в пределах Туткаульского амлокдарства, они населяли главным образом кишлак Дари-Дех.

Остается вовсе не ясной группа серончи. Упоминают, что они жили в туткаульском амлокдарстве, но откуда они, неизвестно. Представителей серончи во время обследования встретить не удалось.

Хайбоки. Представители хайбоки (ҳайбоқи) являются выходцами из Кангурта, Ходжаи Нур (известных кулябских селений) и прилежащих к ним. По преданию, род хайбоки был родом потомственных земледельцев. о них говорят: "кындаи ино ай дъруни очаш "чуфти гов" гуфта меройан", т.е. "род их выходит из чрева матери со словами о пахоте (пахотных быках)". Хайбоки, по преданию, якобы семь поколений тому назад пришли первыми из таджиков в Кули-Суфиён, который тогда еще был локайским поселением. Постепенно они вытесняли локайцев, и те переселились южнее, основав кк. Кизилкия, Бобои Тупхона, Савди Поён.

Население рассматриваемого привахшского района подразделялось так же, как и во всех бекствах Восточной Бухары, на сословные группы: халкия – податное сословие, простой народ; сипох – служилое сословие; эшоно – ишаны – духовное сословие. Наиболее замкнутым было сословие эшоно; своих дочерей они не отдавали замуж за представителей других сословных групп. По территориальному признаку эшоно преимущественно принадлежали к группе кухбуни.

Группа эшоно в дореволюционном прошлом пользовалась особыми привилегиями. Земли и стада ишанов освобождались от налогов. Как нам представляется, наличие в обследованных кишлаках значительного количества мечетей, выстроенных по планировке, при которой молитвенное помещение строго отделяется от старинного – аловхона – общественного дома, где собирались мужчины селения за трапезой, а также наличие духовных училищ (медресе) в Туткауле, Кули-Суфиёне и больших площадей, отводившихся под эти духовные учреждения, – все это свидетельствует о высоком положении группы эшоно западной части Бальджуанского бекства, которая была связана и с группами ишанов Гиссара и, конечно, Нижнего Каратегина, где прослойка духовного сословия была значительна.[37] Быт кулисуфиенских ишанов и ишанов Даханы резко отличался от быта простого народа – халкия. Дома их были просторны и благоустроены, делились на женскую и мужскую половины. Жены их, в

отличие от женщин простого люда, жили в затворничестве, не имели права выходить за пределы дома, а если шли куда-нибудь, то надевали паранджу – фурҷин. Именовали жен ишанов бъби//биби – госпожа. В доме ишана было много женской прислуги, служанок – чури и слуг– мужчин; существовал институт слуг–родственников, их называли ятим (сирота), они тоже исполняли работы по дому, приносили дрова, воду. В Кули-Суфиёне, снабжавшемся водой в основном из двух горных источников, расположенных сравнительно далеко от селения, доставка воды было делом трудным, а за топливом надо было подниматься высокго в горные ущелья.

Известный интерес представляют материалы, собранные на левом берегу, относительно типов расселения таджикского населения в кулябских кишлаках за период с конца XIX и начала XX в., вплоть до времени обследования.

Собранные расспросным путем сведения носят неполный отрывочных характер, однако и они свидетельствуют о том, что первоначально основным типом расселения таджиков было расселение семейно-родственными группами, образующими кварталы – гузары. Эти группы, как и в других горных странах Таджикистана, – Каратегине, Дарвазе, Ванче 38 – назывались каум (қавм – род, племя), кунда, реже–узб. оруг (род, семья). В памяти жителей самого крупного селения – Туткаула сохранились воспоминания о кауме Юсуфбой, по прозвищу Бузбояк – богатенький козами, о кауме, родоначальником которого был некий таджик Файзулло, спустившийся с гор более 250 лет тому назад (запись 1964г.) Он поселился в гузаре Узбакон, который заселяла многочисленная семья узбека (локайца) Багоя. Постепенно семья Файзулло разрасталась у него было шесть или семь сыновей, они вытеснили Багоя, тот ушел, и гузар получил название "гузари Мусалмонбой", по имени старшего сына Файзулло. В дальнейшем всю семейно-родовую группу, объединявшую потомство Файзулло, возглавлял старший сын Файзулло Мусулмон. Так возник каум Мусулмонбой и гузар Мусулмонбоён, ответвлением которого был гузари Зухуриён, заселенный каумом Зухуриён, родоначальником которого был кузнец Усто Зухур (тоже сын Файзулло). Иногда семейно-родственная группа расселялась в разных близлежащих кишлаках. Так, каум Ёфт расселялся в основном в Шургузаре и Туткауле. По преданию, свое название каум получил от прозвища своего родоначальника–найденыша (найти – ёфтан). Соотношение семейно-родственных групп и территориальных закономерно: представители одной и той же семейно-родовой группы по мужской линии всегда принадлежат к одной и той же территориальной группе, женщины же могут быть и из других. Территориальная группа обычно охватывает несколько каумов таким образом, что представители различных каумов могут относиться к одной и той же территориальной группе, но в одном кауме по мужской линии не может быть представителей различных территориальных групп.

В Туткауле и Кибиле часто на одном и том же участке, на известном расстоянии друг от друга строились отдельные жилища братьев или родителей и сыновей. В этих селениях часто ряд жилищ родственных семей с приусадебными постройками, обносимых обычно глинобитными заборами, образовывали внутреннюю между домами площадь, называемую "майдон" или "дашт". Как нам говорили, такая площадь бывала в прежние времена в общем владении всех родственных семей, жилища которых

выходили на нее и использовались как место для семейных сборов и со-ветов.

Однако со временем семейно-родовые группы стали распадаться, значение каумов постепенно утрачивалось. Основной причиной этого являлись не только миграции населения, характерные для рассматриваемого райо-на, но прежде всего нарушение прежних имущественных связей, измене-ние социального строя. В рассматриваемом районе ко времени обследова-ния у населения оставались отрывочные воспоминания о семейно-родовых группах. Однако принадлежность к территориальной группе каждый раз определялась точно.

X X

X

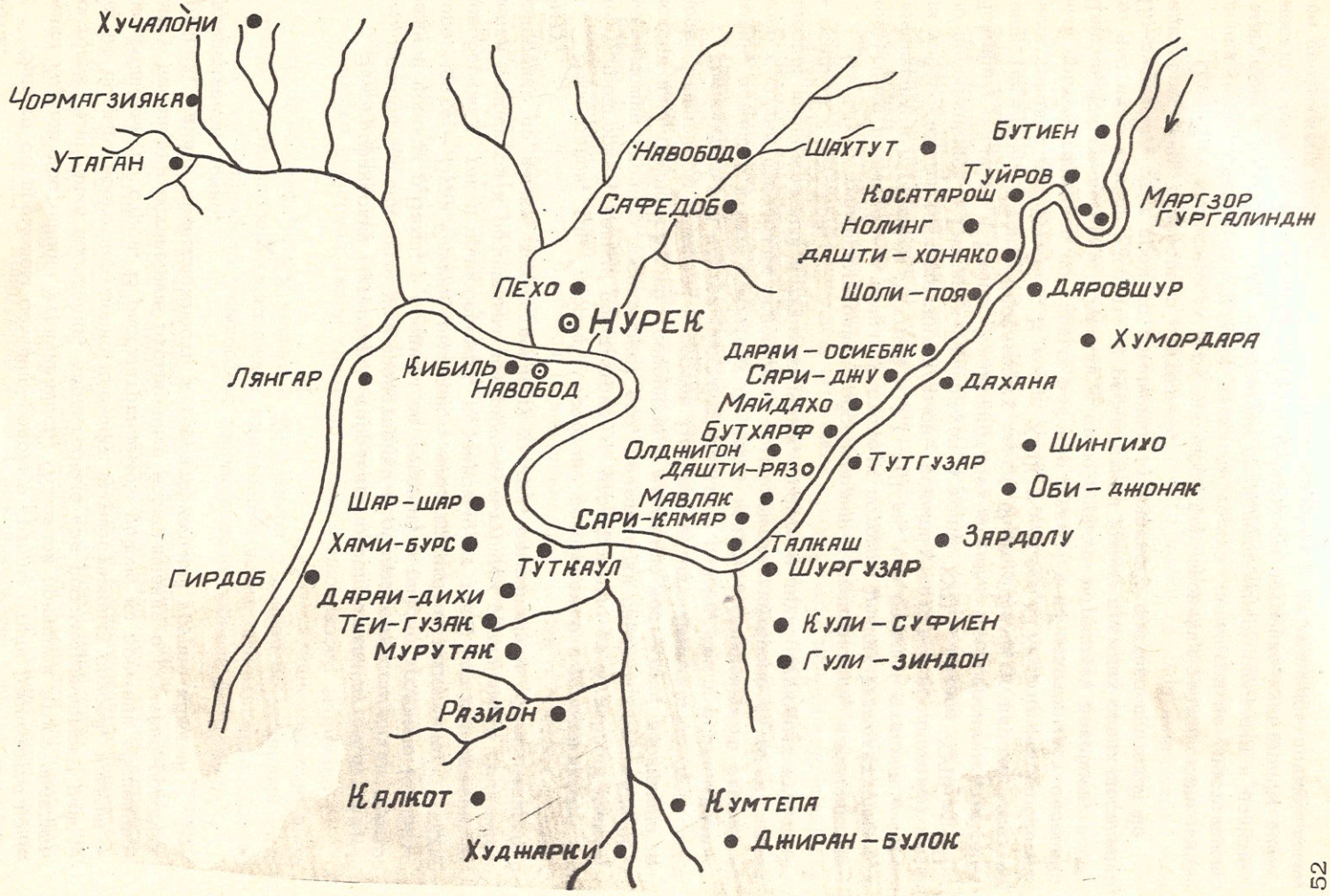
Этнографические материалы, собранные расспросным путем, а также наблюдения, проведенные непосредственно в обследуемых селениях прибрежной полосы р.Вахш, в среднем ее течении, в районе древнего Камен-ного моста – Пули Сангин, выявляют, что таджикское население как левобережья, так и правобережья, независимо от того, что оно истори-чески относится к различным историко-культурным регионам, в основном однородно по языку, хозяйственному укладу, семейному и общественному быту.

Этот район, т.н. "лабоба" (особенно левобережье и примыкающие к нему предгорья), нельзя рассматривать изолированно от Куляба. Таджики, населяющие (точнее населявшие) его, генетически связаны с таджиками, искони населявшими Куляб, северную и западную части его, входившие в дореволюционном прошлом в состав Бальджуанского бекства.

Отличительной чертой рассматриваемого района, как и всей терри-тории, лежащей к югу и востоку от него, является смешанность этничес-кого состава населения, основными компонентами которого являются два народа: ираноязычный и тюркоязычный, носители двух различных культур – оседлой и кочевой.

Наряду с таджиками район, обследованный экспедицией, населяли тюр-коязычные племена – в меньшей степени потомки ранних тюркских племен, появившихся в древнем Хуттале в У1-УШ вв. и в большей степени – одно из узбекских даштикипчакских племен – локайцы, которые предположитель-но переселились в Гиссар и Бальджуан в конце ХУП – начале ХУШ в. 39 Локайцы, осевшие в Южном Таджикистане, вначале, по преданиям, вытес-нили таджиков, исконно заселявших левый берег р.Вахш, и широко засе-лили селения левобережья. В конце ХУШ и начале Х1Х в. начался обрат-ный приток таджиков из горных районов Куляба и из некоторых селений Дангаринского нагорья. Таджики в свою очередь потеснили локайцев, и те частично начали уходить и расселяться южнее прежних своих поселений. По-видимому, этот процесс изменения этнического состава протекал не единовременно, а довольно длительно.

Одной из характерных черт процесса формирования таджикского насе-ления рассматриваемого района являлось то, что несмотря на постоянные миграции и передвижения, вызванные социально-экономическими и полити-ческими причинами, таджики в этом небольшом историко-культурном райо-не продолжали свою исконную линию поселения и не являлись пришельцами.



Схематическая карта района обследования

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Материалы, связанные с вопросами этнического состава и сложения населения, а также истории селений левобережной части обследованного района, были собраны Р.Л. Неменовой и частично И.Мухиддиновым, а правобережной – И.Мухиддиновым, за исключением сел. Кизои и Талкаш, в которых работала Р.Л.Неменова.

[2] Маев Н. Очерки гиссарского края. Материалы для статистики Туркестанского края/ Под редакцией Н.А.Маева. – СПб, 1879. – Вып. У; Снесарев А.Е. Восточная Бухара: Военно-географический очерк. – СПб, 1906; Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. – ИРГО. – Петроград, 1916; Т.XX. – Вып. X; Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (путевые очерки 1898 г.). – Исторический вестник. – Т. XXXУП–XXXУШ; Его же. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903; Рожевиц Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г. – ИРГО. – 1908. – Т. X1У – Вып. 9.

[3] Материалы по районированию Средней Азии. (кн. 1: Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1: Бухара). – Ташкент, 1926; Маллицкий Н.Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. – Ташкент–Самарканд, 1929.

[4] Писарчик А.К. и Кармышева Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области// – Изв. АН ТаджССР. – Сталинабад, 1953. – Вып. 3. – С. 73–96.

[5] Там же, с. 76.

[6] Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. – Ереван, 1969. – Ч.3.

[7] Там же, с. 27.

[8] Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М.: Наука, 1976.

[9] Там же, с. 98, 156.

[10] Говоры гиссарских таджиков группы кулоби, в том числе и файзабадских, относятся к гиссарско-кулябским говорам, кулябского диалекта, южной группы говоров таджикского языка. См.: Шеваи чанубии забони точики. – Душанбе: Дониш, 1980, ч. 1. – С. 19.

[11] См.: Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе, 1966. – С. 32, 39, 63.

[12] См.: Гафуров Б.Г. Таджики. – М.: Наука, 1972. – С. 18. Юркевич Э.А. Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г. Археологические работы в Таджикистане. – Вып. 1X (1961)// Труды Ин-та им. А.Дониша АН ТаджССР. – Т.УП. – Душанбе, 1964 г.

[13] Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до 10 в н.э. – ТСТАЗ, 1950. – Т.1МИА, № 15. – С. 113.

[14] История таджикского народа. – М., 1964. – Т. 2. – С. 48–49.

[15] Представляет интерес упоминание в памятнике 16 в. "Бабурнаме" (Записки Бабура) слова "туткаул" тюркского происхождения в значении "место перехода", "место остановки". Толкование и соответствующие цитаты приводятся в словарях: Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. /Составил Лазарь Будагов. – СПБ., 1889. – Т. 1, С. 743; Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб, 1915, ч. П. – С. 1487–1488.

Можно предположить, что селение Туткаул возникло первоначально как остановка на пути проезжих. Туткаул был издавна транзитным пунктом на пути из Гиссара в Бальджуан, Куляб и далее на Дарваз. По рассказам, в конце XIX в., возможно и ранее, в Туткауле было пять караван-сараев, где останавливались на ночлег все, кто держал путь через Пули Сангин из Куляба в Гиссар.

16 См.: Кармышева Б.Х. Очерки..., с. 66-111, 209-258. Ее же. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. – Сталинабад, 1954. – С. 19-20.

17 Кармышева Б.Х. Очерки..., с. 235.

18 Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, с. 7.

19 Материалы по районированию Средней Азии./кн. 1: Территория населения Бухары и Хорезма, ч. 1. – Ташкент, 1926. – С. 199.

20 Там же, с. 145.

21 Там же, с. 143.

22 В годы обследования (1963-1964) состав населения Туткаула был чрезвычайно пестрый, поскольку там наряду со старожилами-таджиками проживало довольно большое число рабочих и служащих (с семьями) Нурекской ГЭС самых различных национальностей. В остальных селениях жили почти исключительно таджики. В локайских селениях нам бывать не приходилось.

23 Список населенных пунктов Таджикской ССР. – Сталинабад, 1932. – С. 47, 52.

24 По сведениям на 11 октября 1963 г., полученным от секретаря сельсовета Оксу, в состав которого входят все интересующие нас кулябские кишлаки, население в этих кишлаках достигало 4 700 чел.

25 Следует отметить, что в этом отношении бывали исключения. В кишл. Дахана, со слов учителя Хакимова, нами было записано , что в старину, задолго до прихода войск бухарского эмира, в Дахане был правитель – мир, по происхождению таджик. У него была одна жена таджичка, а вторая – локайка. Потомство таджички дало основание роду ишанов – эшоно, а локайки – роду правителей шоҳҳо. (Полевая запись 1963 г.).

26 Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, с. 133-148.

27 Там же., с. 45.

28 Кармышева Б.Х. Очерки истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). – АДД, М., 1977. – С. 45.

29 Даровшур славится среди населения рассматриваемого района своим мазаром и надгробием, представляющим каменную плиту, украшенную высеченным на ней орнаментом. То, что местное население считает надгробием, оказалось каменной базой колонны, стоявшей в северо-западном углу мазара. Она была на месте обследована и сфотографирована научными сотрудниками института истории АН Таджикской ССР А.М.Мухтаровым и Э.А.Юркевичем. По типу резного орнамента она датируется XУ-XУП вв. Было также отмечено, что среди известных каменных баз, обнаруженных на территории Таджикистана, база подобного типа не встречалась. Снимок и описание базы обубликованы в статье: Юркевич Э.А. Материалы к археологической карте Таджикистана //Археологические работы в Таджикистане. Вып. УШ. – Душанбе, 1962. – С. 148.

30 Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, с. 51–52.

31 Кармышева Б.Х. Этнические и территориальные группы северо-восточной части Кашка-Дарьинской области УзССР//Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. XXXIII, 1960, с. 54; И.М.Оранский, характеризуя этнографическую тюркоязычную группу гиссарских "соғутарош" определяет значение самоназвания данной группы "ремесленников", вытачивающих деревянные сосуды "соғу", и со ссылкой на упомянутую выше работу Б.Х.Кармышевой отмечает: "Как и во многих других подобных случаях, термин, указывающий на род занятий, приобрел здесь значение этнонима". Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины: Этнолингвистическое исследование. – М., 1983. – С. 177.

32 О сархад см.: Неменова Р.Л. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г.// Доклады АН ТаджССР, 1953. – Вып. 9.

33 Писарчик А.К., Кармышева Б.Х. Опыт сплошного обследования Кулябской области, с. 76. К сожалению, нам не удалось выяснить, считают ли жители этих кишлаков, что они тоже относятся к группе косатароши.

34 Данные о расселении груп "деревообделочников" в пределах Узбекистана и Таджикистана (соғутарош, қошуқ тарош, тавоқтарош и коса-тарош), а также о распространении топонима "косатарош" приводит И. М. Оранский в своем исследовании о таджикоязычных этнографических группах. См.: Оранский И.М.Таджикоязычные этнографические группы...,с.178.

35 Миразори в значительном числе заселяют Дангару и окрестности, куда они переселились из Кангурта.

36 Это подтверждает и сообщение одного из наших кулисуфиёнских информаторов, которое сводилось к тому, что "авлоди мирҳазори сипоҳанд" – род миразори из служилого сословия.

37 Таджики Каратегина и Дарваза. –Душанбе, 1966.–Вып. 1. –С.70.

38 Там же, с. 64–65.

39 Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М., 1976.–С. 235.

М.А.ХАМИДЖАНОВА

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО БЫТОВОГО УКЛАДА ЖИТЕЛЕЙ ВЫСОКОГОРИЙ ТАДЖИКИСТАНА ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПРЕДГОРЬЯ И НА РАВНИНУ

Установление и упрочение Советский власти, организация коллективного хозяйства и другие экономические, политические и культурные мероприятия, проведенные народной властью, неизмеримо повысили экономическое благосостояние населения и горных районов Таджикистана, его культурный уровень. Однако климатические условия высокогорных районов Таджикистана были основной причиной, сдерживающей развитие сельского хозяйства.Здесь суровая зима,короткое лето,к тому же малая площадь угодий,

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА. Душанбе: Дониш, 1985, -180 с.

В сборник включены статьи, посвященные различным сторонам этнографии таджиков и других народов Таджикистана, а также населения некоторых других областей Средней Азии. Статьи сборника освещают преимущественно вопросы жилища, семейных обрядов (свадьба, рождение, похороны), календаря, народных верований и представлений, приложен список научных работ старейшего этнографа Таджикистана А.К.Писарчик.

Работа рассчитана на этнографов, историков и всех тех, кто интересуется традиционным бытом и культурой таджиков и других народов Средней Азии.

Рецензенты: докт. филол. наук Р.А м о н о в, канд. ист. наук В.А.Р а н о в.

Э 0508000000 - 082 40 - 85

М 502 - 85

© Издательство "Дониш", 1985 г.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор
Борис Анатольевич ЛИТВИНСКИЙ

Редактор издательства И.А.Медведева
Технический редактор В.Н.Шемелинина
Художественный редактор Р.Абдуразаков
Корректоры Т.А.Рохман, Э.М.Абасьева

ИБ № 845

Сдано в набор 28.12.1984 г. Подписано в печать 08.10.1985 г. КЛ 04313. Формат 70 x 100 1/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать. Усл.печ.л. 14,5. Усл.краск.-отт. 14,7. Уч.-изд.л. 16,5. Тираж 775. Заказ 782. Цена 2руб. 50коп. Издательство и типография "Дониш", 734029, Душанбе, ул.Айни, 121, корп.2

[22] Труды Семиреченской археологической экспедиции (Чуйская долина). Сост. под рук. А.Н.Бернштама. – МИА, № 14, М.; Л., 1950.

Р.Л.НЕМЕНОВА

НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С РЕКОЙ ВАХШ

Во время работ Нурекской этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР в районе сооружения Нурекской ГЭС и водохранилища в 1963–1964 гг. мною, кроме материалов по основной теме – сложение таджикского населения среднего течения р. Вахш, были собраны сведения о некоторых народных представлениях и поверьях, связанных с этой рекой. Материал, излагаемый в данной статье, по объему небольшой, но, возможно, он представит известный интерес при изучении реликтовых явлений, отражающих в какой-то мере верования и культы древнего населения Таджикистана. Материалы о реликтах древних верований таджиков, как пишет Г.П.Снесарев, "... этнографами собирались давно и весьма тщательно"[1].

В литературе имеются весьма интересные сведения о легендах, представлениях и поверьях, связанных с водными источниками (реками, озерами) у народов, населяющих Южный Таджикистан, как у таджиков, так и народностей тюркского происхождения (локайцев, карлуков). Особенно распространены легенды о чудесных "водяных конях" (аспи обӣ), от которых якобы ведет свое происхождение известная порода "хутталянских скакунов". Местом пребывания "аспи обӣ" считаются горные реки, в частности р.Пяндж (верховья Амударьи), озера и источники[2]. Легенды и предания, связанные с конями, населяющими водные источники, имеют древнее (домусульманское) происхождение, о чем свидетельствуют рассказы легендарного характера, содержащиеся в сочинениях арабских авторов IX и X вв.[3]

Некоторые данные об отношении к воде таджиков опубликованы К.А.Богомоловой[4]. М.С.Андреевым в свое время было высказано предположение, что образ албасты может быть связан с древней азиатской богиней Анахитой – богиней-матерью водной стихии[5]. В отношении этого мнения современных исследователей анимистических представлений и верований народов Средней Азии расходятся. Г.П.Снесарев полагает, что приводимое М.С.Андреевым предположение о генетической связи албасты с богиней-матерью необоснованно, поскольку ее сущность прямо противоположна тем многочисленным вредоносным свойствам, которые приписываются образу албасты[6]. О.А.Сухарева, рассматривая этот вопрос с точки зрения возможности деградации мифических персонажей данного комплекса верований, перехода "... из ранга благодетельных богинь в категорию вредоносных демонов ...," считает: "Если это сопоставление и нельзя признать бесспорным, то все же некоторые основания оно имеет"[7]. Отдельные поверья, связанные с образом злого духа албасты, могут служить косвенным доказательством генетической связи этого образа с водной стихией. А именно: широко распространенное поверье о том, что албасты стремится завладеть сердцем и печенью матери и новорожденного и, завладев ими, несет их к воде. Это поверье имеет очень широкий круг распространения не только у горных и равнинных таджиков, но и "... в самой различной этнической среде"[8].

Прямая связь демонического образа албасты у иранских народов с водной стихией подтверждается материалами, опубликованными А.З.Розенфельд. Автор, излагая поверья и представления припамирских таджиков, пишет: "... по представлениям памирских таджиков, алмасте является водяным существом. Спасаясь от преследования, алмасте прыгает в воду, и в том месте, куда она прыгнула, вода расступается, и оттуда появляется столб пламени"[9]. А.З.Розенфельд отмечает, что как

на Западном Памире, так и на Дарвазе и Ванче образ алмасты широко распространен в поверьях и характеризуется локальными чертами; к ним, по-видимому, могут быть отнесены представления о его внешнем облике и о связи его с рекой. Наиболее полно и широко представлен не только материал, связанный с культом водной стихии, но и глубокий анализ реликтовых явлений всего этого цикла верований у хорезмских узбеков в книге Г.П.Снесарева[10].

Наши материалы были собраны в кишлаках прибрежной полосы среднего течения р.Вахш, большей частью на левом берегу. Прибрежная полоса изучавшегося нами района в прошлом (в конце XIX и в начале XX в.) была довольно густо заселена. Вдоль берегов Вахша тянулись на близком расстоянии друг от друга кишлаки, объединявшиеся названием лавова // лабоба (побережье). Местное население различало: лавовои хисорӣ - гиссарское побережье или прибрежье и лавовои кӯлобӣ - кулябское побережье[11].

На территории этих кишлаков, небольшой по протяженности и площади, население было смешанное и состояло из таджиков, локайцев и в меньшей степени карлуков, причем таджики расселялись сплошным массивом, локайцы же были как бы вкраплены в виде островков в основную массу таджикского населения. Однако такое положение, по представлениям самого местного населения, сложилось лишь в последние столетия. Предки же современного таджикского населения, приходя на эту территорию, по-видимому, не единовременно, заставали здесь повсеместно локайцев. Постепенно таджики стали вытеснять их, занимая земли, удобные для возделывания[12]. В годы обследования (1963-1964) местное население привахшских кишлаков на изучаемой территории было представлено только таджиками. Повсеместно таджики - жители привахшских кишлаков считали себя потомками выходцев из близлежащих местностей: из северной части Куляба (Сарихасора, Бальджуана, Кангурта) и частично из Нижнего Каратегина, т.е. районов одного историко-географического круга.

Заселение таджиками прибрежной полосы Вахша, по согласному утверждению представителей старшего поколения, началось около 200-250 лет тому назад, примерно с конца 17 и начала 18 в. Таджики, заселяющие привахшские кишлаки как левого берега, так и правого гиссарского, характеризуются общностью происхождения, языка, быта, занятий[13].

Связи между гиссарскими и кулябскими кишлаками были очень тесные, проявлявшиеся и в семейно-родственных и в постоянных хозяйственных отношениях. Общение между ними никогда не прекращалось, причем до 20-х - 30-х гг. нашего столетия единственным путем сообщения была река Вахш, мосты через нее и переправы. Почти для всех прибрежных кишлаков река Вахш являлась и единственным источником водоснабжения. Река в буквальном смысле этого слова поила прибрежные кишлаки, жители которых считают воду реки целебной, чему способствует якобы золото (золотоносный песок), содержащееся в ней[14].

Вахш от его истоков на склонах Заалайского хребта и далее, уже в пределах Таджикистана, почти до Курган-Тюбе, расположенного в его долине, течет в глубоком каменистом русле, сильно сужающемся в районе лабоба. Вследствие этого воды его, как и других рек, протекающих в гористой местности, из-за трудности выведения их на поля не могли быть использованы для орошения земельных угодий[15]. Значение Вахша (Сурхоба) в хозяйственной жизни Каратегина, горной и предгорной части Куляба не было столь велико, как значение Амударьи в оазисах Средней Азии, особенно в Хорезме, "... где жизнь не мыслилась без Амударьи и оросительной сети"[16].

Однако пережитки древнего культа водной стихии, олицетворяемой рекой Вахш, сохраняются среди таджикского населения не только прибрежной полосы, но и ряда привахшских предгорных селений, расположенных на значительном расстоянии от реки.

Поверья, верования и обряды, связанные с рекой, слышанные мною за время экспедиции, можно сгруппировать следующим образом: а) представления и поверья, характеризующие отношение к реке; б) поверья и легенды, связанные с людьми, которые по роду своих занятий соприкасаются с рекой и находятся в какой-то зависимости от нее; в) представления о подводном мире, о существах, населяющих Вахш.

Несколько слов о названии реки. Таджики как на кулябском, так и на гиссарском берегах реку называют Сурхоб, в повседневной речи чаще всего – просто река (дайро // дарьё). Знают, что река берет начало в Каратегине и около Пунбачи (Комсомолабад) сливается с Сафедоб – рекой Хингоу (название "Хингоу" здесь неизвестно). Название "Вахш", как утверждают представители старшего поколения, получило некоторое распространение с тех пор, как здесь началось строительство Нурекской гидроэлектростанции. Название Вахш, конечно, известно всем, но его считают книжным, а Сурхоб – местным, народным[17].

Для жителей привахшских кишлаков характерно двойственное отношение к реке. К водам реки относятся с известным почтением, их нельзя осквернять выбросом сора или плевком. Сосуды, которые опускают в реку, чтобы набрать воды, должны быть чистыми. Но более ярко проявляется не почитание и благоговение перед водной стихией, а чувство страха, неприязни. Реки боятся, называют ее сагоб – река-собака, ёғуи бедаст-у по – враг без рук и без ног. По старым представлениям, река наделяется качествами, свойственными хищному беспощадному существу, жаждущему жертв и крови, – шикор мекъна, шикор-ъша мегира, дига намета ("река охотится за своей добычей и, овладев ею, не отдает никогда").

В подтверждение приводят рассказы о случаях, когда река безжалостно и навечно уносит свои жертвы – людей, трупы которых никогда не находили, их затирало среди камней, иногда спустя много времени они обнаруживались в тугаях при впадении Вахша в Пяндж (полевая запись в кишлаке Шургузар). Весной, когда Вахш становится особенно многоводным и бурным, он ревет (ваас мекунад) и требует крови (хунталаб мешавад). Тогда жители, чтобы отвратить беду от себя, бросали в реку курицу, собаку либо кошку. В старое время, по рассказам, на берегу реки закалывали животное – барана, быка – и устраивали жертвоприношение (худой – общественное угощение) с целью умилостивить злой дух реки, отвратить бедствие[18]. Г.П.Снесарев полагает, что обряды жертвоприношения водам реки восходят "... к разным этапам в истории религиозных верований"[19].

Как уже упоминалось, постоянная связь жителей прибрежной полосы среднего течения р.Вахш осуществлялась по мостам, перекинутым через реку[20], и в местах переправ на плотах-салях. На многих участках Вахша строительство мостов было невозможным, а сообщения между отдельными кишлаками, особенно правобережными, по берегу (по суше) ~~также~~ не было из-за недоступных скал и отсутствия троп. Например, если жителю правобережного кишлака Кизои надо было попасть в верхний правобережный Талкаш, он по мосту переходил на левый берег, шел через Туткаул, а выше Туткаула переправлялся на плоту снова на правый берег и таким образом попадал в Талкаш.

В старину, вплоть до тридцатых и даже сороковых годов, через Вахш в местах переправ (гузар) переправлялись на мехах животных, надутых воздухом, которые назывались куфсар или саноч. Несколько таких саночей связывали в виде прямоугольного плота, называемого сал[21]. Один из саночей несколько выдавался вперед, он носил название пошна (пятка), на нем сидел человек, управлявший салем, – шиновар (пловец). К бурдюкам привязывалась легкая рама из жердей, кото-

рая скрепляла весь плот[22]. Переплывали на салях через Вахш обычно поздней осенью или зимой, когда уровень воды спадает и нет большой опасности[23]. Однако бывали такие смельчаки – плотогоны, которые рисковали переплывать Вахш и в самую высокую воду летом и даже весной. На сал нагружают тюки, мешки с зерном и усаживаются пассажиры, обычно один-два человека. В кишлаках, близ переправы, бывает несколько искусных пловцов, которые хорошо знают реку и умело управляют плотом. За время переправы течение относит сал на один два километра ниже того места, от которого он отчаливает[24].

Искусству плавать на салях обучают с детства. Сначала пловцы опускаются в воду, надевая на себя пояс, сделанный из полых стеблей ферулы – камол. Позднее пловец снимает с себя одежду и в одних штанах и тюбетейке учится плавать, держаться на воде. Шиноваров в селениях уважают, считают их профессию почетной, а их самих мужественными людьми. Покровителем шиноваров, их пиром считается Хазрати Ильёс (Святой Илья), с его именем шиновар входит в воду. Имена искусных шиноваров не забывают. Так, пловец Шиновар Шариф из кишлака Талкаш был известен по всему привахшскому Кулябу и Гиссару. Умер он 100 лет от роду. В Талкаше в 1963 г. жила его внучка, которой было за семьдесят лет. В кишлаке Даровшур был прославленный пловец по имени Суровшо.

О пловцах слагаются легенды. Существует представление, что если пловец много лет благополучно переправляется через реку и становится мастером своего дела, он становится как бы зависимым от реки; и она имеет на него свои права. По всему побережью широко распространена легенда о некоем пловце Аюбе, ткаче карбоса из селения Даровшур (по другой версии – из Туткаула). "Он был превосходным и отважным шиноваром, переплывал Вахш в самую высокую воду летом. Однажды осенью, когда вода в реке была уже не так высока, за водой к реке пошла дочь Аюба. Она наполнила кувшины, и вдруг послышался голос: "Вахт расид, Аюб нарасид" ("Пришло время, а Аюб не пришел"). Удивилась она и, когда вернулась домой, рассказала об этом отцу. Аюб сразу же пошел к реке, он подумал, что она зовет его. Ступил в воду, и тут же вода понесла его. Так его тело и не нашли".

По старинным поверьям, река населена сверхъестественными существами, якобы знающими судьбы людей. Это так называемые одамони об – водяные люди, которые безвредны, земным людям не причиняют вреда, но стремятся к ним. Подводный мир реки, как считают, очень разнообразен: помимо водяных людей, там живут водяные лошади – аспи об, водяные собаки – саги об[25], водяные мыши – муши об. Устройство подводного мира аналогично земному, речное дно – земля, состоящая из семи слоев – ҳафт тавақ (табақа) зъмин (ср. старое представление о мироздании, о небе, состоящем из семи слоев, о мире, состоящем из семи материалов – ҳафтиқлим).

В привахшских кишлаках бытуют легенды относительно появления среди людей водяных существ. Одну из них мы записали в Дахане и Туткауле.

"Водяной человек живет в реке, он тоскует без человеческого общества, поэтому он постоянно выплывает на берег и незаметно появляется среди людей. Это бывает по вечерам, когда мужчины собираются в аловхона вокруг очага. Водяной человек всю ночь сидит на одном месте и молчит, иногда он произносит всего одну фразу: "Дар мавлакати мо тилло ба ҷувол, намак ба миқол" ("В нашей стране золото – мешками, а соль – золотниками"). После этого он скрывается".

О том, что в реке таятся богатства, золото, упоминается в легенде, записанной на Дарвазе в кишлаке Вишхарв, в которой рассказывается об основателе одного из кварталов Вишхарва Устотаколе. "Он был опытным пловцом-шиноваром, водил плоты (сал). Ежедневно Устотакол водил на водопой к реке Пандж свою ко-

былицу. Однажды из реки выскочил водяной конь (аспи обй) золотой масти (тилло-ранг), оплодотворил кобылицу и скрылся в водах реки. Кобылица принесла золотого жеребенка. Когда Устотакол повел на водопой кобылицу с жеребенком, то из реки снова появился золотой конь и, схватив жеребенка, скрылся с ним в воде. Огорченный Устотакол прыгнул вслед за ним, долго плыл он под водою, наконец, увидел там старца, обтесывавшего какие-то бруски, и рассказал ему обо всем, что произошло. Старец его выслушал и сказал, что сын всегда принадлежит отцу и Устотакол должен покориться дедовскому закону. Старец дал Устотаколу несколько стружек, обтесанных с брусков, и направил его домой. Когда Устотакол приплыл к берегу, то почувствовал в кармане своей одежды какую-то тяжесть - стружки оказались слитками золота"[26].

В 1964 г. в Кули-Суфиёне нами со слов шестидесятилетней Маълимы Холовой был записан следующий рассказ.

"Когда ее дед был еще совсем молодым (умер он в преклонном возрасте, сама Маълима была тогда еще маленькой девочкой лет 7-8), правитель Туткаула (амлокдор) устроил какое-то большое празднество (тўй) на берегу Вахша, на большой поляне, между Туткаулом и Шургузаром. На этом туе незаметно для всех появился одами обй (водяной человек). Сверху (до пояса) он походил на человека, а от пояса его тело было покрыто красной пеленой (чешуей), как тело рыбы (боло одам-у, поён-аш, пардаи сурх, моҳй барин). Он сидел молча и, сколько его ни спрашивали, никому не отвечал ни слова. Под конец праздника он произнес только: "Одамо-ра бубинен, гавҳар-о-ра, ба санг мешиканан" ("Поглядите на людей, жемчуг разбивают о камень, т.е. зубы (жемчуг) разламывают фисташками"), - и скрылся так же незаметно, как появился"[27].

В обеих версиях легенды для водяного человека характерна молчаливость, а высказывания его выражают суждение о противопоставлении подводной страны - земле, земным людям. В этой связи интересно упоминание об изобилии золота и недостатке соли. Г.П. Снесарев, говоря об обрядах жертвенного культа, связанного с р.Амударьей, пишет: "... весьма распространенным был обряд жертвоприношения водам Амударьи соли, каючники совершали его во время рейсов во избежание якобы "дурного глаза"[28]. В изучавшемся нами районе подобного обряда не было, но возможно, что и у хорезмских узбеков существовало представление о недостатке или отсутствии соли в водах Амударьи, населенной "безликими духами воды - аранглярами"[29].

Каких-либо представлений о природе и происхождении "водяных людей" собрать не удалось. Если следовать концепции Г.П. Снесарева, представляющейся нам правильной, одами оби как персонаж определенного комплекса верований относится к тем, созданным народными поверьями образам, которые восходят "к более позднему этапу в развитии анимистических верований... и более прочно и дифференцированно привязаны к окружающей среде (рекам, горам, жилищам, деревьям и пр".)[30] Образ водяного человека, связанного с рекой, внешне напоминает образ водяного, русалки, но место его в системе миропонимания народов, населяющих долину реки Сурхоба-Вахша, не ясно.

Водяные пари, живущие в реке и характеризующиеся, по народным представлениям, коварным нравом, "... тянут понравившегося им человека в воду - этим объяснялись несчастные случаи"[31]. Водяной человек, как уже упоминалось, людям не причиняет вреда. В привахшских кишлаках нам не приходилось слышать о каких-либо противопоставлениях одами обй водяным пари. Как нам представляется, образ водяных пари более характерен для равнинных таджиков. Верования и представления, связанные с ними, так же как вопросы их генезиса и персонификации, довольно детально изложены в работе О.А.Сухаревой[32].

Следует сказать, что у горных таджиков этот образ не одинок. В тех же привахшских селениях бытует поверье, что в кустарниковых зарослях (чангал), и в фисташковых рощах обитает "одами чангали"(лесной человек, лесовик). Он страшен собой, весь покрыт шерстью, бессловесен и потому его еще называют гул[33].

В Даҳане распространен рассказ о таком лесном человеке, который якобы похитил из одного кишлака девушку и увел в лес. Там он построил дом, у них было трое детей. Жена всегда тосковала о кишлаке, где жили ее родные, и лесной человек с семьей ушел в тот кишлак. Братья жены убили "лесного человека", но потомство его осталось . До сих пор в Дангаре есть род кундаи Гул, по преданию, якобы происходящий от "лесного человека"[34]. Бытуют также рассказы об "одами саҳрой" (полевом человеке, полевике), который бесплотен и, принимая вид и очертания человеческого тела, появляется как нечто черное (сиёҳӣ) на адырах. Он якобы стремится напугать людей - жнецов, остающихся во время жатвы ночевать на местах покоса травы, жатвы пшеницы[35].

В горных районах Таджикистана - Кулябе, Каратегине и на Дарвазе - довольно широко известны поверья и легенды о крылатых и водяных конях (аспи-обӣ). Эти материалы получили отражение в этнографической литературе. Таково сообщение А.З. Розенфельд "о водяном коне, имеющем пребывание в определенных озерах, откуда он выходит по временам на поверхность"[36]. Представления о крылатых конях засвидетельствованы в Кулябе[37].

Интереснейший материал о представлениях как таджиков, так и локайцев о конях, населяющих водные источники, поверья о конях-девах приводит Б.Х.Кармышева. "Так же, как 1000 лет назад жители Хутталяна, ныне некоторые старые локайцы считают своих лошадей потомками сказочных жеребцов. Не только от локайцев, но и от таджиков, карлуков и киргизов нам приходилось слышать рассказы о жеребцах, живущих в водоемах"[38]. К циклу преданий о водяных конях относится упомянутая выше легенда, записанная на Дарвазе, в прибрежном Вишҳарве, о "золотом жеребце", живущем в Пяндже и выходящем на поверхность[39].

В этом плане представляют интерес известные предания (по-видимому, значительно более позднего времени) о ставших легендарными конях, принадлежавших героям, царям.

Таково предание, бытующее в селениях, расположенных неподалеку от одного из красивейших горных озер, Искандеркуля, на северных склонах Гиссарского хребта. Согласно легенде: "Искандер Зул-ал-Карнайн (Александр Македонский) погиб в горах неподалеку от озера, а конь его утонул в озере. Якобы в честь Александра Македонского озеро и названо Искандеркуль (озеро Александра). Вечерами начинает дуть ветер, уровень воды сильно повышается, и вода из озера выплескивается далеко на берег. Все это происходит якобы потому, что конь Искандера вырывается из воды и рассекает ее, стремясь на поверхность. Он пытается выйти к скале, на вершине которой находится камень, напоминающий фигуру мужественного воина с мечом в руке - будто самого Искандера"[40].

Жители прибрежных кишлаков изучавшегося района о "водяных конях" лишь упоминали при перечислении животных, населяющих якобы воды Вахша.

Материалы, представленные в данной статье, фигурально говоря, крупицы, собранные со дна чаши Нурекского водохранилища. Они - немногочисленны, а по характеру своему - фрагментарны. Но все они прикреплены к единому стержню - связаны с древним культом водной стихии и, по-видимому, представляют локальный вариант анимистических представлений, территориально весьма ограниченный. Поэтому было бы целесообразно развернуть этнографические поиски и исследования в этом направлении на всем протяжении Вахша и его притока-Кафирнигана.

Пережитки древних верований живучи не только в памяти народа, но и в быту они сохраняются довольно долго, даже при отсутствии условий и почвы, питающих их. Исследование генезиса древних верований, помимо его огромного научного значения, необходимо в качестве оружия для разоблачения часто вредных пережитков и борьбы с ними. Работу в этом направлении значительно облегчают исследования обобщающего характера, созданные советскими этнографами - специалистами по Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.; Наука, 1969, с. 11.

[2] Беленицкий А.М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании. - СЭ, № 4, с.162-167; Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954, с. 80-82.

[3] Беленицкий А.М. Указ. соч., с. 163-164; Он же. Историко-географический очерк Хутталя с древних времен до X в. н.э. - МИА, № 15, М., 1950, с.119.

[4] Богомолова К.А. Следы древнего культа воды у таджиков. - ИООН АН ТаджССР, № 2, Сталинабад, 1952, с. 109-120; О пережитках культа воды у таджиков см. также: Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с. 64-65.

[5] Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953, вып. 1, с. 78-83.

[6] Снесарев Г.П. Реликты..., с. 62-63.

[7] Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. - В кн.: Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975, с. 32.

[8] Там же, с. 33.

[9] Розенфельд А.З. О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов (в связи с легендой о снежном человеке). - СЭ, 1959, № 4, с.60.

[10] Снесарев Г.П. Реликты..., с. 231-241.

[11] Материалы, излагаемые в данной статье, были собраны в Туткауле, Дахане, Шургузаре, а также в Кулисуфионе, расположенном юго-восточнее Туткаула (на левом берегу), и в Талкаше (на правом берегу). В настоящее время так называемая "лавова" представляет собой дно чаши водохранилища Нурекской ГЭС. Жители прибрежных селений заблаговременно, задолго до начала строительства, переселились на новые места. О термине "лабоба" и его различных значениях см.: Кармышева Б.Х. Таджикско-узбекский народный географический термин "вилоят". - В кн.: Этнография имен. М., 1971, с. 216, прим. 2; Она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 155.

[12] Кармышева Б.Х. Очерки..., с. 155-156.

[13] Об этом может свидетельствовать состав и расселение одной из наиболее крупных и издавна сложившейся территориальной группы, называемой кухбуни, предстаители которой, по преданию, являются давними выходцами из Кангурта и были расселены в равной степени как в прибрежных кулябских, так и в гиссарских кишлаках.

[14] Как и в ряде мест Куляба и Каратегина, вблизи Туткаула, по берегам р.Вахш производилась промывка золотоносного песка. Это являлось одним из под-

собных занятий туткаульских таджиков. Промысел этот был распространен на Среднем Вахше до сороковых годов текущего столетия.

15 Речь идет о периоде, предшествующем строительству Нурекской ГЭС и водохранилища. Основными источниками искусственного орошения в горных регионах Таджикистана служили речки и ручьи, стекающие с ледников, или воды мелких родников, соединенных системой мелких каналов. См.: Таджики Каратегина и Дарваза. Сталинабад, 1966, в. 1, с. 122; Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958, вып. 2, с. 66; Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975, с. 18.

16 Снесарев Г.П. Реликты..., с. 233.

17 В самом начале XX в. река носила три названия: Кзылсу – так называли ее киргизы Верхнего Каратегина; Сурхоб – у таджиков на всем протяжении, вплоть до кишлака Туткаула; "наконец, от Туткаула до впадения в Амударью река сохраняет свое древнее название "Вахш"; прилегающее к реке население в этой самой части тюрко-таджикское". (См.: Снесарев А.Е. Восточная Бухара. СПб, 1906, с. 25).

18 Поверья, связанные с жертвоприношениями для ублаготворения разбушевавшейся реки, были широко распространены как у таджиков (горных и равнинных районов), так и у других народов Средней Азии. См.: Богомолова К.А. Указ. соч., с. 115; Снесарев Г.П. Реликты..., с. 138-239. Точно такое же отношение наблюдается и к р.Кафирниган. Узбеки, когда река требует крови, приносят в жертву быка или корову – устраивают худои (любезно сообщено Б.Х.Кармышевой в письме к автору).

19 Снесарев Г.П. Реликты..., с. 239.

20 В пределах изучаемой территории, в 8 километрах ниже Туткаула, находился знаменитый древний Каменный мост – Пули Сангин (см.: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. (Соч., 1963, т.1, Ш, с. 119). В конце прошлого столетия этот мост был единственным путем сообщения Бальджуана с Файзабадом (см.: Маев Н.А. Очерки Гиссарского Края. СПб, 1879, с. 203). В 40-х гг. текущего столетия при прокладке автотрассы Душанбе – Куляб – Бальджуан на месте этого моста был сооружен капитальный, современной конструкции, мост. В 1967 г. в связи со строительством плотины Нурекской ГЭС этот мост был убран. Помимо этого моста, в рассматриваемом районе существовало еще два. Один из них соединял левобережный кишлак Даканаи Боло с правобережным Даран Осиёбак, но во второй половине XIX в. он был разрушен и не восстанавливался. Второй – был перекинут через реку от правобережного кишлака Кизои на левый берег. Это был примитивный мост из бревен без перил – пиёдапулак (мостик для пешеходов). В 1963 г. на месте моста возле Даканы была устроена воздушная люлька на тросах, а около Кизои был довольно прочный дощатый мост с перилами.

21 Наряду с названием "сал" в привахшских селениях Куляба часто употребляется и название "амад", а погонщика плота называют "амадрон" или "амадҳайкъ"

22 Об устройстве сал см.: Кисляков Н.А. – В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966, вып. 1, с. 34, там же фотоснимок такого плота.

23 Зимы в этом районе обычно бывают не холодные, и река не замерзает. В очень редкие годы Вахш покрывается льдом сплошь от берега до берега. В памяти старшего поколения сохранились воспоминания о чрезвычайно суровой зиме 1877-1878 гг. – времени похода Худой Назара-аталыка на Дарваз. Тогда, впервые за все время, Вахш в наиболее узких местах покрылся толстым слоем льда ("об яхпули кард" – вода сделалась ледяным мостом), по которому проходили от одного берега к другому.

[24] Местами известных на левом берегу переправ нам называли кишлаки Даравшур, Даҳана, Шургузар; на правом берегу – Талкаш, даже название его связано с переправами через реку на салах. Там жили плотогоны, которые занимались тем, что перевозили грузы – тал мекашиданд (диалектное "тал" – груз; литературное – холм, бугор, куча).

[25] Саги обӣ – выдра.

[26] Запись легенды опубликована, см.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966, вып. 1, с. 89.

[27] По устным сообщениям этнографов И.Мухиддинова и Л.Бахтоваршоевой, точно такая же легенда о водяном человеке, живущем в водах реки Пяндж, распространена среди шугнанцев на Памире и таджиков Дарваза. За любезное сообщение автор приносит благодарность И.Мухиддинову и Л.Бахтоваршоевой.

[28] Снесарев Г.П. Реликты..., с. 238.

[29] Там же, с. 236.

[30] Там же, с. 237.

[31] Сухарева О.А. Указ. соч., с. 52.

[32] Там же, с. 45–46.

[33] О народных поверьях относительно "лесных людей" упоминает И.С.Брагинский: "лешие рисовались как существа, обитавшие в горных лесах и рощах и имевшие облик человека, но покрытые черной шерстью, с когтями на руках и ногах, необычайной силы. Они назывались "гули ёвой". Брагинский И.С. Из истории народной таджикской поэзии. М., 1956, с. 64–65.

[34] Полевая запись со слов Аноргул Ахмедовой в Даханаи Поён (1964 г.).

[35] Запись со слов жительницы Такоба (Варзоб) Мирзоёровой (1977 г.).

[36] См.: Беленицкий А.М. Указ. соч., с. 164; там же ссылка (17) на сообщение А.З.Розенфельд, записанное в Самсолике (Средний Каратегин).

[37] Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г. – Известия ТфАН СССР № 15, 1949, с. 89.

[38] Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954, с. 80–82.

[39] Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе: Дониш, 1966, вып. 1, с. 84–85.

[40] Предание записано со слов заместителя директора школы в Такобе Ленинского района, Иззатулло Джафарова, слышавшего его во время экскурсии на озеро Искандеркуль от жителей Сари-Тога. Следует сказать, что известные среди туристов Паронские озера, находящиеся на склонах Гиссарского хребта, жители кишлака Сари-Тог называют "Кули Паривон" (Париён – озера Пари). Приношу свою благодарность И.Джафарову за его сообщения.

А. МАРДОНОВА

ХНА В БЫТУ ТАДЖИКОВ ГОРНОГО ТАДЖИКИСТАНА И ЗИРАБАДСКИХ ЭРОНИ[1] БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди многих народов Востока издавна широко известны некоторые виды